

СМИРНИЦКАЯ С. В.

ЯКОБ ГРИММ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Среди первых языковедов-компаративистов начала XIX в. Якоб Гримм занимает почетное место. Творческий вклад ученого в сокровищницу мировой науки необычайно весом: ревностный собиратель произведений устного народного творчества, тонкий исследователь памятников германского письма, литературовед, историк древнего права, языковед — автор первой сравнительной грамматики германских языков, создатель фундаментального словаря немецкого языка — Я. Гримм по праву может быть назван «филологом нации» [1]. Трудно найти такую область германского языкознания, которая осталась бы в стороне от творческих устремлений ученого: сравнительная грамматика германских языков и история немецкого языка, современный немецкий язык и вопросы языковой нормы, становление немецкого литературного языка и его социальная дифференциация, литературный язык и народные говоры, географическое распределение диалектов — основы подлинно научной разработки этих проблем были заложены Гриммом.

Творчество Гримма теснейшим образом связано с именем его брата — Вильгельма Гримма. Братья Гримм вместе учились в лицее и университете, вместе работали в Касселе, Гёттингене и Берлине. В течение ряда лет (1813—1816) они издавали журнал «Altdeutsche Wälder» [2], посвященный немецкой старине, собирали и обрабатывали фольклорные материалы.

Первый этап научной деятельности Гримма характеризуется изысканиями в области средневековой литературы. За книгой «О древненемецком майстерзанге» (1811) появляется работа «Песни старшей Эдды» (1815), а в период с 1812 по 1815 гг. братья Гримм издают «Детские и семейные сказки» и «Немецкие сказания». С 1816 г. ведущее место в творчестве Гримма занимают работы языковедческой тематики, хотя в кругу научных интересов ученого продолжают оставаться проблемы литературоведения [3], мифологии [4], истории права [5]. С 1819 по 1837 гг. издается четырехтомная «Немецкая грамматика» [6], в 1848 г. появляется двухтомная «История немецкого языка» [7], с 1854 г. начинает выходить «Немецкий словарь» [8], над которым Якоб Гримм работает совместно с Вильгельмом Гриммом.

Филологическая наука в Германии первой четверти XIX в. развивалась под сильным влиянием романтизма. Подобно Гердеру, немецкие романтики обращаются к изучению языка, мифологии, права германских народов, рассматривая их как выражение «народного духа». Требование историзма и народности искусства, верного воссоздания колорита места и времени является важнейшим завоеванием романтической теории искусства.

Ранний этап научной деятельности Гримма охватывает период с 1806 по 1816 гг. и характеризуется отсутствием строгих методологических установок. Историческая концепция Гримма в первое десятилетие его творчества связана с представлением о том, что история находит адекватное отражение в мифе о золотом, серебряном и бронзовом веках. Молодой Гримм противопоставляет святость и чистоту древних «опустившемуся» человечеству современности. Историзм Гримма этого периода можно было бы назвать романтическим [9].

Наука начала XIX в. противопоставляет философское рассмотрение историческому [10]. Противопоставление истории (как эмпирии) философии (как теории) не чуждо Гримму. Ставя перед грамматическим исследованием задачу объяснить отдельные формы языка, Гримм придавал перво-степенное значение наблюдению над фактами языка. В предисловии к «Не-

мецкой грамматике» он отмечал свое отрицательное отношение к общим логическим понятиям, которые, по его мнению, мешают наблюдению. Наблюдение, по словам Гримма, — «душа языкознания» [11]. Связь с действительным, фактическим, внимание к объективно данному — понятия, воплотившиеся в начале XIX в. в термине «исторический», глубоко импонируют Гримму, равно как и требование современной ему науки обратиться от общих теорий к источникам, к тщательному, точному и строгому изучению деталей. Тезис главы исторической школы Савиньи, согласно которому настоящее может быть понято только из прошлого, был решающим для Гримма.

Наибольшего успеха исторический подход достигает у Гримма в сочетании со сравнительным. Базой для сравнительных исследований послужило освоение Гриммом европейских языков с учетом их древнейших форм. Занятия филологией в широком смысле, издание древних литературных памятников Европы, прежде всего фольклорных, осуществлявшееся Я. Гриммом совместно с братом В. Гриммом, рано пробудили в Я. Гримме интерес к сопоставлениям, к этимологии, а затем и к чисто языковедческим проблемам. Впервые эти интересы проявились в рецензии Гримма на книгу Раска «Введение в исландский, или древнесеверный язык» [12]. За рецензией последовало сравнительное рассмотрение языковых черт «Песни о Хильдебранде», которое принадлежит к наиболее успешным языковедческим исследованиям Гримма до создания «Немецкой грамматики».

Мысль поставить этимологию на службу историческому изучению саги возникла у Гримма в 1809 г., когда братья Гримм начали систематическое собирание саг. Внимание Гримма к этимологии, и в особенности к этимологии собственных имен, проистекало из свойственного доначальным филологическим исследованиям положения о том, что имя вещи или лица отражает его сущность. Наименования, по мнению Гримма, не изобретаются произвольно, а являют собой некий «природный элемент». Здесь возрождается старое представление о том, что имена связаны с вещами по природе (φύσις). Идентичность имени и сущности, слова и вещи Гримм пытается продемонстрировать на примере собственных имен. Прослеживая мотив швейцарской народной легенды о Вильгельме Телле по различным источникам, Гримм ставит в один ряд такие имена собственные, как *Tell*, *Toko*, *Egill*, *Wielands*, *Velents*, *Bell* и т. д. Родство приведенных имен Гримм доказывает на основании содержательной и звуковой близости (формы *Tell*, *Ell*, *Bell* фонетически представляются Гримму вполне сводимыми друг к другу). Нем. *Tell* Гримм возводит к лат. *telum* «стрела», англ. *Bell* — к греч. βέλος «стрела» и дат. *Toko* к греч. τόξον, которое в ед. ч. означает «лук», а во мн. ч. — «стрелы». Исл. *Egill* Гримм связывает с нем. *Igel* «еж». Констатируя функциональное сходство между наконечником стрелы и иглой ежа, Гримм заключает о смысловой близости исл. *Egill* с остальными именами собственными в приведенной цепочке. В одном ряду оказываются бесчисленные образования типа нем. *Pfeil*, др.-англ., ср.-нидерл. *pīl*, греч. βέλος, нем. *Tell*, лат. *telum*, греч. τέλλε, англ. *nail*, нем. *nagel*, *egel*, *igel* и т. д. Гримм не может не видеть, что в его ранних этимологиях царит произвол: любой звук переходит в любой другой звук, в одном ряду оказываются и старые, и новые формы, причем формы, сосуществующие в языке, нередко выстроены так, как будто они происходят друг от друга. Основание для подобного произвола Гримм пытается найти в самой сути языка, где, по его мнению, «всякий и каждый звук связан», а «звуки и формы... указывают на вещи» [13, с. 331]. Предпосылкой ранних гриммовских этимологий является убежденность исследователя в существовании единого и единственного праязыка, который продолжает жить до сего дня в отдельных современных языках. Отсюда — вывод о возможности толковать слова одного языка с помощью слов любого другого языка.

Гримм ставит перед этимологией задачу раскрыть историю слов, а также путем установления связей между словами постигнуть связи сущностей и вещей. Эта цель — вполне научная — не могла быть достигнута до открытия строгих звуковых соответствий, являющихся следствием закономерных звуковых переходов.

Своеобразным рубежом в исследовательской деятельности Гримма является открытие закономерных фонетических чередований, объединенных под термином умлаут (Umlaut). В 1811 г. Р. Раск определяет механизм умлаута как зависимость гласного корня от гласного окончания. На основе своей теории Р. Раск восстанавливает *-i* в конце ряда слов, его утративших (*land*, мн. ч. *lond* < **landu*). В 1818 г. в книге «Исследование о происхождении древнесеверного, или исландского языка» Р. Раск, наряду с разделом «Морфология», вводит раздел «Фонетика», в котором открывает ряд звуковых законов, в том числе закон германского передвижения согласных. Гримм, который был знаком с работами Раска, поначалу (в частности, в 1812 г.) считает мнение своего предшественника по поводу механизма умлаута «скорее остроумным, нежели истинным» [14, с. 518]. Сам он толкует умлаут весьма широко, включая сюда по сути любое вокалическое или консонантное изменение в корне. В понятие «*Vokalumlaut*» Гримм включает собственно умлаут, а также аблаут и преломление (*Brechung*), желая вывести эти разноплановые явления из одной причины. Последняя, по мнению Гримма, состоит во «внутренней склонности языка, действующей одновременно на окончание и корень» [13, с. 360]. Только в 1816 г. Гримм подошел к решению проблемы. Открытие причин возникновения умлаута сыграло огромную роль, раскрыв перед Гриммом важность звуковой стороны языка, ее относительной независимости и огромной объяснительной значимости.

1816 год можно считать своеобразным итогом в научной деятельности Гримма: закончился так называемый «дограмматический период», период поисков метода научного анализа.

Многие черты исторического подхода к фактам языка проявляются у Гримма задолго до 1816 г. С исторических позиций Гримм отклоняет попытки пуристического «улучшения» языка. При издании древнейших памятников германского письма и произведений народного творчества Гримм решительно отстаивает право каждого источника, каждого живого проявления языка на своеобразие и самобытность против насильственной нормализации и внесения поправок. Несомненной заслугой Гримма является претворение в жизнь идеи Савиньи о связи различных областей знаний: поэзия, язык, обычаи, право, принадлежащие одной эпохе и одному народу, «связаны друг с другом тысячью зримых и незримых нитей» [15, с. 546]. Многолетняя работа Гримма в области германской мифологии и эпоса во многом подготовила его научные достижения, ведущие начало от 1816 г. Сравнительно-исторический подход, столь успешно примененный Гриммом в «Немецкой грамматике», задолго до ее создания был намечен в его работах по истории права, а также в области фольклора. По мнению Г. Гиншель, «братья Гримм открыли своеобразную мировую литературу, следы которой уходят в глубокую древность и распространение которой можно проследить среди бесчисленных наций» [13, с. 380]. Путь к строгой научности в области мифологии и языкознания, решительный отход от спекулятивного рассмотрения языковых явлений, от наивных этимологий раннего периода стали возможны для Гримма только благодаря открытию звуковых соответствий, на основе которых могла быть выработана надежная исследовательская методика, обеспечивающая точные, доступные проверке результаты.

1816 год ознаменовал собой смену тематики в научном творчестве великого ученого: Гримм всецело обращается к германскому языкознанию, которое занимает доминирующее положение в его деятельности до конца жизни. За «Немецкой грамматикой» (I том — 1819 г., второе издание I тома — 1822 г.; II, III, IV тома завершены к 1837 г.) последовала «История немецкого языка» (1848 г.). С 1854 г. начал выходить «Немецкий словарь».

Начиная с «Немецкой грамматики», Гримм занялся детальным описанием германских языков. Особое предпочтение он отдавал древнейшим формам, т. к. ожидал найти в них проявление национального духа в его чистоте, язык — в его первобытном совершенстве. По словам Мейе, «Немецкая грамматика» была первым описанием целой группы диалектов,

начиная с самых древних засвидетельствованных форм, и тем самым послужила образцом для последующих исследований других диалектов, засвидетельствованных древними документами...» [16, с. 452].

«Немецкая грамматика» Гримма далеко выходит за рамки того, что принято считать собственно грамматикой отдельного языка. Четырехтомный труд Гримма является фундаментальным сравнительно-историческим исследованием строя всех германских языков. Используемый здесь исторический или генетический метод базируется на объективном научном рассмотрении феномена языка. Для Гримма это означало прежде всего обращение к источникам: основательное исследование источников является первым требованием исторического подхода к языку. Вторым требованием Гримма — историка языка является точное и строгое изучение деталей. Душой языковедческого исследования, согласно Гримму, являются не теоретические построения и логические схемы, а живое, непосредственное наблюдение фактов языка.

В предисловии к первому изданию «Немецкой грамматики» Гримм определяет цель и задачи предпринятого труда. Они заключаются в доказательстве ближайшего родства, существующего между всеми германскими языками, а также в объяснении современных языковых форм путем возведения их к древним и древнейшим формам. Гримм предлагает совершенно новую концепцию грамматического исследования. Он выдвигает требование такой грамматики немецкого языка, которая делала бы понятной структуру современного немецкого языка. Для того, чтобы осмыслить и понять существующие формы, согласно Гримму, необходимо привлечь к рассмотрению более древние формы, которые лежат в основе изучаемых. Научная грамматика, по мнению Гримма, может быть только исторической, а это, в свою очередь, предполагает рассмотрение языковых фактов как серии сменяющих друг друга производных форм (*Ableitungen*), от самых древних из засвидетельствованных памятниками письма до современных.

Сформулированные Гриммом цели и задачи исследования предопределяют принцип организации и подачи языкового материала. Начиная со второго издания, «Немецкая грамматика» включает в себя следующие крупные разделы: фонетику (*von den Buchstaben*), морфологию (*von den Wortbiegungen*), словообразование (*von der Wortbildung*), синтаксис (*Syntax*). Каждый из разделов распадается на более частные. Так, в разделе морфологии выделяются два подраздела — склонение (*von der Declination*) и спряжение (*von der Conjugation*). В свою очередь глава, посвященная склонению, последовательно рассматривает словоизменение всех склоняемых частей речи — имен существительных, прилагательных, числительных и местоимений, а в пределах каждой из выделенных частей речи материал расположен в следующем порядке: готский, древневерхненемецкий, древнесаксонский, англосаксонский (древнеанглийский), древнефризский, древнесеверный; средневерхненемецкий, средненижненемецкий, среднидерландский, среднеанглийский; нововверхненемецкий, новонидерландский, новоанглийский, шведский, датский. Таким образом, Гримм пытается показать постоянно изменяющуюся в пространстве и во времени материю языка: каждый языковой элемент (фонетический, морфологический, словообразовательный, синтаксический) прослеживается фронтально по всему германоязычному ареалу от древнейших времен до современности.

К «Немецкой грамматике» примыкает двухтомный труд «История немецкого языка»¹, являющийся частично обобщением результатов «Немецкой грамматики» (в частности, по таким разделам, как аблаут, редупликация, слабый глагол, слабое существительное и т. д.) и содержащий добавления по истории древнейших германских племен (готов, франков, гессов, батавов, хавков, лангобардов, бургундов и т. д.). Обе фундамен-

¹ Здесь так же, как и в «Немецкой грамматике», термин «deutsch» употребляется Гриммом прежде всего в значении «германский»: *deutsche Sprache* «германский язык» — обобщенное название для группы родственных древних и новых германских языков; ср. также *deutsche Völker* «германские народы» [8, с. VIII—XV].

тальные работы Гримма содержат исчерпывающий фактический материал по всем разделам грамматики германских языков от их первой письменной фиксации до современного состояния. Представленные здесь языковые факты могут служить для широких сопоставлений и теоретических обобщений. Сам Гримм использует данные сравнительного анализа прежде всего для обоснования родства германских языков, а также для доказательства существования родственных связей между германскими языками и другими представителями индоевропейской языковой семьи.

Наиболее важным критерием языкового родства в системе доказательств Гримма является установление строгих звуковых соответствий среди сравниваемых языков. По словам А. Мейе, «законы „передвижения звуков“... явились первым примером и первым образцом „фонетических законов“, на признании которых покоится современная историческая лингвистика; они были плодом строгого наблюдения диалектов и изыскания оригинальных черт каждого языка» [16, с. 452]. Возможность сопоставления языковых фактов на основе точных фонетических соответствий, а тем самым и подлинно научная основа для изучения вопросов происхождения языков и языкового родства открывается для Гримма с установления механизма умлаута (1816 г.). В «Немецкой грамматике» и в «Истории немецкого языка» подробное рассмотрение умлаута по всему германоязычному ареалу дополнено комплексом звуковых соответствий в области шумных согласных и большим корпусом фактов, относящихся к передвижению согласных.

В 1818 г. Раск, сопоставляя исландский язык с латинским и греческим, выводит соответствия для начальных согласных. Во втором издании «Немецкой грамматики» (1822), а также в первом томе «Истории немецкого языка» (1848) Гримм дает детальное изложение всего корпуса явлений, связанных с передвижениями согласных в германских языках. Кроме начальной позиции, продемонстрированной Раском, Гримм добавляет обширный материал, представляющий рассматриваемый комплекс явлений в позиции середины слова. Для Гримма передвижения согласных носят строгий, закономерный характер, поэтому звуковые переходы в системе шумных согласных он формулирует как закон, согласно которому звонкий согласный переходит в глухой, глухой — в придыхательный, а придыхательный — снова в звонкий. Подчеркивая «постоянство» сформулированного закона (*der standige Charakter*), Гримм отмечает, что перебой (*die Verschiebung*) согласных в германских языках не является случайным исключением, а представляет собой четко действующее правило.

Если Раск, сопоставляя исландский с греческим, оперирует фактами, составляющими корпус явлений первого, германского передвижения согласных, то Гримм, добавляя древневерхненемецкий материал, устанавливает звуковые соответствия, относящиеся ко второму, верхненемецкому передвижению согласных. Очень важным является то обстоятельство, что для Гримма и германское, и верхненемецкое передвижения представляют неразрывное единство. Это явствует из гриммовской схемы передвижения согласных, которая, в отличие от схемы Раска, включает в себя данные греческого, готского и древневерхненемецкого языков [7, с. 393—394; 11, с. 584].

Гримм поднимает вопрос, не затронутый Раском, о значении закономерных звуковых переходов для «строгой этимологии». Он отмечает, в частности, что закон передвижения согласных помогает обуздать «буйное» этимологизирование, являясь для последнего «пробным камнем» [7, Bd. 1, с. 415]. После спекулятивных этимологий своей юности Гримм демонстрирует в «Немецкой грамматике» и в «Истории немецкого языка» возможность с достаточной надежностью устанавливать параллели между германскими и негерманскими словами. Цепочки лексем, выведенные на основании закономерных звуковых переходов, охватывают обширные пласты лексики. К рассмотрению привлекается скотоводческая и земледельческая терминология, обозначения праздников, месяцев, верований, обычаев и т. д. Особое внимание уделяется терминам родства, местоимениям, числительным [7, Bd. 1, с. 15—161; 238—273]. На основании анализа большого корпуса

лексических параллелей, установленных с опорой на строгие фонетические соответствия, вскрывается общность основного словарного состава как внутри группы германских языков, так и далеко за ее пределами. Тем самым наличие регулярных звуковых переходов («буквенных переходов») становится для Гримма одним из самых важных критериев при определении генетических связей между языками. По его мнению, из соотношения согласных проистекает достаточное доказательство изначального родства сравниваемых языков [7, Bd. 1, с. 592].

Большое внимание уделяет Гримм сравнению арсенала германских словообразовательных и словоизменительных форм, рассмотрению внутри последних как внешней, так и внутренней флексии. Гримм демонстрирует не только идентичность словоизменительных и словообразовательных аффиксов, но также и сходство словоизменительных и словообразовательных моделей в языках германской группы (например, типы склонения имен, спряжения глаголов и т. д.). Выходя за пределы германского ареала, Гримм обнаруживает наличие грамматических черт, общих для германского, древнегреческого, латинского, санскрита и других языков. Таким образом, наличие «буквенных переходов», большого корпуса лексических параллелей и общих морфологических формантов позволяет Гримму сделать вывод об изначальном родстве многих языков Европы и Азии. Из азиатских языков привлекаются санскрит и авестийский, из европейских — древнегреческий, латинский, литовский, латышский, прусский, церковнославянский, польский, готский, древневерхненемецкий, англосаксонский, английский, ирландский, албанский и др. Тем самым Гримм устанавливает родство тех языков, которые мы относим к индоевропейской семье.

Особое внимание Гримм уделяет определению места германских языков среди индоевропейской языковой семьи. Он выявляет черты, сближающие германские языки с отдельными представителями индоевропейской семьи языков. Давая перечень фонетических, лексических и грамматических параллелей между германскими языками и греческим, латинским, литовским, славянскими и кельтскими, Гримм делает вывод о том, что германские языки наиболее близки к славянским и балтийским, несколько дальше отстоят от греческого и латинского, наименьшую близость обнаруживают с кельтскими языками [7, Bd. 2, с. 1018—1030].

Во взглядах Гримма на языковую историю отражается не только его восприятие связи между развитием языка и развитием мышления, здесь обнаруживается точка зрения исследователя на связь между историей языка и историей народа. Подчеркивая объединяющую, цементирующую функцию языка в жизни человечества, Гримм указывает, что языковое наследие передается из поколения в поколение, усваиваясь, сохраняясь, обогащаясь. Проследившая развитие языка из поколения в поколение, можно тем самым проникнуть в историю говорящего на этом языке народа. Гримм не дает определения понятию «народ». Используемые им термины «народ», «общность», «человеческий род», «дух народа» носят нередко религиозно-мистическую, романтическую окраску. Однако исключительно важным представляется тот факт, что уже в середине XIX в. Гримм рассматривает феномен языка и его историю с точки зрения ряда постоянно взаимодействующих и нерасторжимых факторов. Прежде всего он выделяет факторы пространства и времени. Он пишет: «Особенность каждого языка зависит от места, где родились, и времени, когда воспитывались говорящие на этом языке. Пространство и время являются причиной всех языковых изменений; только ими объясняется разнообразие возникших из одного источника народов» [17, с. 265]. Отмечая, в частности, расхождения между языком современных тирольтцев и фризлов при несомненной общности их происхождения, Гримм подчеркивает возможность языковых изменений и в среде живущих компактно, не разделенных географически, говорящих на одном языке людей. Эти различия возникают в том или ином поколении, у того или иного индивида.

Выделив пространство и время как важные факторы развития языка, Гримм приближается к осознанию общественного, социального характера

языка. Рассматривая историю языка в теснейшей связи с историей его носителей, Grimm пытается на основании наличествующих в языке изменений делать выводы об истории народа. Сравнение языков, по его мнению, может пролить свет на праисторию человечества. С помощью слов Grimm пытается проникнуть в суть вещей, постигнуть «происхождение и развитие понятий» [17, с. 123]. Grimm считает, что «существует более живое свидетельство о народах, нежели кости, оружие и могилы, это их языки» [18, с. 4]. Следуя принципу «от слов к вещам» (*von den Wörtern zu den Sachen*), Grimm занялся описанием германских племенных диалектов и в особенности древнейших из доступных наблюдению форм, ожидая найти в них проявление «национального духа» в его чистоте. Изучение древнейшего состояния языка, с точки зрения Гримма, не только позволяет представить исторически развивающиеся грамматические формы языка, но и проникнуть в историю народа, так как, по замечанию ученого, «наш язык — это наша история» [17, с. 290].

В исторической концепции Гримма важное место занимает идея тесного сплава языка, мифа, саги, народной поэзии, обычаев, иными словами, всех духовных институтов с историей народа. Излагая свои взгляды на историю права, Grimm пишет в письме к Савиньи: «Право так же, как язык и обычай, — народно по происхождению...» [19, с. 172]. Подчеркивая народный характер права, языка и обычаев, а также их неразрывность и взаимопроникновение, Grimm связывает понятие «органически живого поступательного движения» (*die organisch lebendige Fortbewegung*) с общественным и языковым развитием. В понимании органического (*organisch*) содержится указание на естественно-закономерное развитие языка. Однако всякий раз, когда Гримму приходится говорить о движущих силах языкового развития, он неизменно прибегает к понятию «духа языка» (*Sprachgeist*) как некой мистической силы, которая управляет языковым развитием. «Дух языка» тесно сплетен с «духом народа» (*Volksgeist*), поэтому проникновение в глубины языковой истории, постижение «духа языка» для Гримма неизбежно связано с постижением «духа народа». Иными словами, национальные особенности того или иного народа, по Гримму, выводимы из истории его языка.

Известная ограниченность исторической концепции Гримма во многом определяется общим уровнем развития языкознания первой половины XIX в. Однако пребывая в плену романтических представлений о языке и народе, Grimm сумел подняться до широких обобщений, в частности, до стихийного осознания социального аспекта языковой истории. Эти достижения связаны прежде всего с гриммовской «Историей немецкого языка». Если в «Немецкой грамматике» проблема отражения материальной и духовной истории народа в строе и функционировании языка только намечена, то в «Истории немецкого языка» во главу угла поставлено изучение истории германских племен — носителей германских языков и диалектов. Считая язык тем источником, из которого могут быть почерпнуты данные по истории германских народов, Grimm подчеркивает значение сравнительно-исторического метода для изысканий в области древнейшей истории. С помощью сравнительного анализа германских языков Grimm пришел к осознанию того факта, что общественная практика людей, их взаимодействие с окружающим миром чрезвычайно важны для познания человека и его духовных институтов. Grimm сделал попытку объяснить различия между языком кочевников и земледельцев из практических жизненных потребностей людей, что приближает воззрения Гримма к материалистическим. Стихийное открытие Гриммом связи между общественной практикой людей и их языком обуславливает имплицитное присутствие в его языковедческих трудах наряду с пространственным и временным факторами — фактора социального. Однако материалистический элемент в социально-исторических взглядах Гримма не следует преувеличивать: человеческому обществу с его социальным устройством в работах Гримма противостоит романтическое понятие «народа»; движущую силу общественного развития Grimm ищет не в экономической сфере, а в национальном характере.

Идеей тесного взаимодействия истории языка с историей народа пронизана такая широкая область научных интересов Гримма, как формирование немецкого литературного языка.

Проблема формирования немецкого литературного языка связана с решением целого ряда частных вопросов, среди которых одно из ведущих мест занимает вопрос о взаимодействии литературного языка и диалектов. Начало и первая половина XIX в. ознаменовались в Германии возросшим интересом к местным говорам: возникает идея географической неоднородности языка, появляются первые грамматические и лексикографические описания местных говоров. Гримм не остается чужд этому интересу [20]. Диалекты, местные говоры, провинциализмы — это те реальные формы проявления народного языка, с которыми братья Гримм сталкивались, собирая народные песни и саги. Подчеркивая, что членение языка на диалекты так же естественно, как членение ствола на ветви и веточки, Гримм рассматривает диалект в историческом плане, в связи с древнейшими этническими образованиями — родами. По мнению Гримма, единый язык с течением времени распадается на диалекты. Диалектные различия появляются под воздействием внешних обстоятельств. В частности, обитание в лесах, в горных местностях или в долинах накладывает особый отпечаток на язык. Несмотря на наивное представление о причинах появления языковых изменений («...горный воздух делает звуки резкими, а равнина — мягкими»), Гримм, безусловно, прав, выдвигая идею постепенной языковой дифференциации во времени и в пространстве. По мнению Гримма, чем древнее язык, тем он более целен и однороден; дифференциация в языке, ведущая к диалектному разнообразию, развивается постепенно на протяжении веков («...все разнообразие из первоначального единства» [7, II, с. 833]). Гримм приходит к выводу, что современные германские языки были первоначально диалектами единого общегерманского языка, который, в свою очередь, наряду с литовским, славянским, греческим, латинским восходил к единому праязыку. Тем самым с распадом единого языкового состояния на диалекты Гримм связывает появление новых языковых ветвей и языков. Гримм указывает на огромную важность использования материала современных диалектов для изучения истории языка. Он подчеркивает, что современные народные говоры содержат черты старых диалектов, не нашедшие отражения в литературном языке. Тщательное, планомерное изучение этих древних черт, по мнению Гримма, способствовало бы более глубокому проникновению в историю языка.

Признавая важность диалектных данных для изучения ранних этапов истории языка, подчеркивая закономерный характер диалектной дифференциации и, как следствие последней, образование родственных языков из единого источника, — Гримм неизбежно встает перед вопросом об отношении современного литературного языка (*Schriftsprache*) к диалектам и о становлении литературного языка. В предисловии к «Немецкой грамматике» он делает попытку показать механизм образования литературного языка [11]. Согласно Гримму, в эпоху, предшествующую возникновению литературного языка, все диалекты равноправны и «благородны» (*edel*). «Возвышению» одного диалекта над другими, по мнению Гримма, способствует могущество и образованность его носителей, т. е. культурное, политическое и экономическое превосходство говорящих на данном диалекте. Важную роль отводит Гримм закреплению «господствующего» диалекта в письменности. Ведущий диалект впитывает из подчиненных ему говоров некоторые свойственные им особенности, в то же время происходит нивелирование отдельных, наиболее резких, диалектных черт². Поднявшись до уровня литературного языка, господствующий диалект становится единственным, имеющим хождение в культурном отношении. Это — знак образованности в противовес диалектам, на которых изъясняются простолюдины. Высказывая мысль о «затухании» (*Sinken*) одних диалектов по сравнению с другими, поднявшимися до уровня литературного языка, Гримм

² Гримм считает, что уже в средневерхненемецкий период существует общий язык, которым пользовались поэты, язык, в котором растворялись и исчезали диалекты [11].

подходит вплотную к вопросу о социальной стратификации языка. Литературный язык занимает верхнюю ступень по отношению к диалектам, с ним связывается представление о духовной жизни общества, это язык учености, литературы. Диалект, — удел необразованной части общества, — обречен на постепенное затухание. Гримм исходит из своего рода «Normal Sprache» как средней градации, над которой возвышается язык литературы и поэзии, низшую ступень занимает язык необразованных³. Литературный язык Гримм рассматривает как язык, овладение которым доступно каждому через школьное образование. По его мнению, между литературным языком в его письменной и разговорной разновидностях не должно быть различий. Взгляды Гримма на литературный язык во многом определяются его воззрениями на роль литературы, поэзии. Поэтам Гримм отводит огромное место в процессе создания и шлифовки литературного языка, отмечая, в частности, значение Лютера, Гёте и Шиллера, которые во многом способствовали поднятию престижа немецкого литературного языка. Поэзию и язык Гримм рассматривает как неразрывное единство: сила языка проявляется в поэзии, а поэзия, в свою очередь, является мощным «рычагом для возвышения рода человеческого» [17, с. 375]. Народы, не создавшие литературы, обрекают свой язык на забвение. Язык литературы, поэзии является для Гримма наивысшей формой языкового проявления народа.

Гримм защищает присущую любому языку органичность, сбалансированность старых и новых форм, исконного и заимствованного. С этих же позиций Гримм возражает против насильственной регламентации языка. По его мнению, при создании правил следует исходить только из основательного знания языкового употребления (Sprachgebrauch), а не из общих рассуждений и аналогий с другими языками [15, 316]. Когда Гримм говорит о языковом употреблении, он имеет в виду нечто приближающееся к современному понятию обиходно-разговорного языка (Umgangssprache). Этот слой языка, которому Гримм придает огромное значение, нашел широкое отражение в его «Немецком словаре», где в качестве примеров широко используются образцы живого разговорного языка — выдержки из берлинских газет, высказывания служащих, горничных и т. д.

Рассматривая язык как отражение исторических судеб народов, Гримм считал науку о языке частью общей исторической науки. Существенно дополнив свои эстетические воззрения, ведущие начало от гейдельбергских романтиков, историческим методом школы Савиньи, Гримм в своем творчестве последовательно проводил идею, согласно которой язык оказывает на народ объединяющее влияние, «узы» языка сплавляют говорящих на нем людей, не дают им рассеяться.

Как типичный представитель индуктивного, эмпирического метода Гримм возводил в высшую добродетель историка и лингвиста наблюдение над фактами, отвергая философские спекуляции и общие определения. Давая оценку гриммовской «Немецкой грамматике», А. Мейе писал: «...самые мелкие подробности отмечаются... со старанием или, лучше сказать, с благоговением, но тонкая и сложная игра действия и воздействия, которыми разъясняются языковые явления, еще полностью не освещена; это скорее собрание наблюдений, а не объяснений» [16, с. 452]. Огромный корпус наблюдений и фактов, собранных в «Немецкой грамматике» и в «Истории немецкого языка», не только послужил основой для создания сравнительной грамматики германских языков, но может служить образцом при описании любой другой группы родственных языков. Важным достижением исторических разысканий Гримма следует признать обоснование родства германских языков на основе установления закономерных звуковых переходов, общности грамматических формантов и основного словарного фонда, а также определение места германских языков в индоевропейской языковой семье с выводом об общем источнике их происхождения. Своими

³ Гримм различает «свободный» язык (freie Sprache) как среднюю ступень, «благородный язык» (edle Sprache) как высшую ступень, «несвободный язык» (unfreie Sprache) как низшую ступень языковой иерархии [8, с. XXXII].

историческими штудиями Гримм заложил прочную основу для создания подлинно научной грамматики современного немецкого языка.

Идея развития прочно увязана в мировоззрении Гримма с признанием человеческого происхождения языка. С позиций стихийного материализма Гримм рассматривает языковые изменения не только в их связи с пространством и временем, но и в связи с социальной характеристикой носителей языка, последовательно развивая в своем научном творчестве тезис о тесном взаимодействии истории языка с историей народа.

Собирание и издание произведений устного народного творчества, разыскания в области мифологии, истории германского права и религии, истории немецкого языка, сравнительной грамматики германских языков, работа над созданием «Немецкого словаря» — в каждой из указанных областей Якоб Гримм создал фундаментальные труды, которые во многих отношениях не утратили своего научного значения и по сей день.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Löther B.* Philolog der Nation. Zum Zusammenhang von Sprachgeschichte und Volksgeschichte bei Jacob Grimm. — In: Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin, Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe, 1965, XIV, S. 463.
2. *Grimm J., Grimm W.* Altdutsche Wälder. Bd. 1. Cassel, 1813; Bd. 2—3. Frankfurt-am-Main, 1815—1816.
3. *Grimm J.* Reinhart Fuchs. Berlin, 1834.
4. *Grimm J.* Deutsche Mythologie. Göttingen, 1833.
5. *Grimm J.* Deutsche Rechtsalterthümer. Göttingen, 1828.
6. *Grimm J.* Deutsche Grammatik. Bd. 1—4. Göttingen, 1819—1837.
7. *Grimm J.* Geschichte der deutschen Sprache. Bd. 1—2. Leipzig, 1848.
8. *Grimm J., Grimm W.* Deutsches Wörterbuch. Bd. 1—16. Leipzig, 1854—1961.
9. *Beneš B. W.* von Humboldt, J. Grimm, A. Schleicher. Ein Vergleich ihrer Sprachauffassungen. Winterthur, 1958, S. 72.
10. *Telegdi Z. S.* Zur Geschichte der Sprachwissenschaft («Historische Grammatik»). — AL, 1966, t. XVI, fasc. 3—4, S. 231.
11. *Grimm J.* Deutsche Grammatik. 2. Aufl. Bd. 1. Göttingen, 1822, S. VI.
12. *Grimm J.* Kleinere Schriften. Bd. IV. Berlin, 1869, S. 65—73.
13. *Ginschel G.* Der junge J. Grimm. 1805—1819. Berlin, 1967.
14. *Grimm J.* — Kleinere Schriften. Bd. VIII. Berlin, 1890. — Rec: *Rask R.* Vejledning til det Islandske eller gamle nordiske sprog. Kjøbenhavn, 1811.
15. *Grimm J.* Kleinere Schriften. Bd. VII. Berlin, 1884.
16. *Meiße A.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. — Л., 1938.
17. *Grimm J.* Über den Ursprung der Sprache. — In: *Grimm J.* Kleinere Schriften. Bd. I. Berlin, 1864.
18. *Grimm J.* Geschichte der deutschen Sprache. 4. Aufl. Leipzig, 1880.
19. Briefe der Brüder Grimm an Savigny. Hrsg. von Schnack I. und Schoof W. Berlin — Bielefeld, 1953 (Brief von 29.X.1814).
20. *Schoof W. J.* Grimm und die Anfänge der deutschen Dialektgeographie. — ZfMf, 1963, Bd. XXX, Hf. 2.